

Услышав звук открывающейся двери, Девятнадцатый опустил взгляд и увидел Дуаньму Цина. Он произнес:

— Господин.

Будучи связанным, он не мог совершить положенный поклон, лишь кивнул в сторону Дуаньму Цина.

Дуаньму Цин, глядя на него, вспомнил прошлую жизнь. Тогда Девятнадцатый также был связан последователями Демонического учения, его били кнутом, а их нерожденного ребенка вырезали из чрева...

При этих воспоминаниях его тело непроизвольно напряглось, пальцы сжались в кулаки, а внезапно вырвавшаяся наружу убийственная аура заставила палача вздрогнуть.

Дуаньму Цин приказал ему остановиться и сам подошел развязать веревки. Девятнадцатый хотел опуститься на колени, но был остановлен. Сняв свой верхний халат, Дуаньму Цин обернул им тело Девятнадцатого, не желая, чтобы другие видели его наготу.

Ли Сань, сложив руки в почтительном жесте, произнес:

— Господин, Девятнадцатый совершил ошибку, наказание еще не завершено...

Но он не успел закончить фразу, так как Дуаньму Цин метнул в него скрытое оружие, и тот навсегда погрузился в сон.

Этот человек был знаком Дуаньму Цину. В прошлой жизни он предал его, выдав тайны Башни Цинчэн. Раз уж он был обречен стать угрозой, лучше покончить с ним сейчас, одновременно отомстив за Девятнадцатого. Ведь именно он нанес ему такие тяжелые раны, которые заживут не скоро.

Девятнадцатый опустился на колени:

— Докладываю, господин, наказание еще не завершено, я не могу уйти.

— Наказание отменено. Это приказ.

Хотя это и был приказ, в голосе Дуаньму Цина звучала нежная нотка, которую он сам едва замечал, а также легкая дрожь.

Девятнадцатый хотел снять с себя халат, ведь он принадлежал Дуаньму Цину и был испачкан его кровью.

— Оставь его на себе, будь послушным.

— Слушаюсь.

Девятнадцатый, никогда не слышавший такого тона, почувствовал странное ощущение, но не мог понять, в чем дело. Тайные стражи обычно не знали любви, и в этом не было ничего удивительного.

Дуаньму Цин положил руку на его плечо, аккуратно поправляя одежду, но не нажимал слишком сильно, боясь причинить боль. На самом деле Девятнадцатый, как обученный с детства тайный страж, не обращал внимания на такие поверхностные раны. К тому же у него

была внутренняя сила, и они не могли серьезно ему навредить.

Но Дуаньму Цин не хотел, чтобы Девятнадцатый страдал даже немного. Он хотел, чтобы с ним все было хорошо.

У тайных стражей были свои правила, и с детства они учились лишь одному — верности.

Правила Зала Наказаний были установлены Дуаньму Цином. Они должны были быть верны только ему одному, и потому обязаны были соблюдать эти правила.

Но все это имело одно условие — отсутствие приказа Дуаньму Цина.

Перед его приказом любые правила теряли силу. Для тайных стражей Дуаньму Цин был высшей верой, человеком, которому они должны были служить всю жизнь. Предательство означало смерть.

Дуаньму Цин шел впереди, а Девятнадцатый следовал за ним. Оба двигались бесшумно, и на мгновение воздух наполнился тишиной.

Дуаньму Цин остановился, и Девятнадцатый тоже, опустив голову. Тайный страж не мог просто так смотреть на лицо господина.

Девятнадцатый, одетый в халат Дуаньму Цина, следовал за ним, привлекая внимание многих. Но один взгляд Дуаньму Цина заставил всех отвести глаза.

При свете дня, на глазах у всех, Дуаньму Цин внезапно поднял Девятнадцатого на руки. Неожиданное тепло объятий заставило его вздрогнуть. Дуаньму Цин не отдавал приказа, так как же ему теперь поступить?

Девятнадцатый не посмел сопротивляться. Если бы это был не Дуаньму Цин, тот, кто осмелился бы на такое, уже был бы мертв.

— Господин...

Не дав ему времени на лишние слова, Дуаньму Цин несколькими шагами перенес его в свою спальню.

Аккуратно положив Девятнадцатого на кровать, он вынул из ящика нефритовый флакон и приказал ему оставаться на кровати.

Девятнадцатый подчинился, но не сел полностью, лишь слегка пристроился на краю, готовый в любой момент встать. Сегодняшний Дуаньму Цин казался ему странным, но он не мог ничего сказать. Тайным стражам запрещалось обсуждать господина.

Хотя на лице Девятнадцатого не было эмоций, Дуаньму Цин все же заметил его скованность.

Приказав принести таз с горячей водой, Дуаньму Цин сам сел на кровать и подтянул Девятнадцатого ближе. Тот тихо произнес:

— Господин.

Спокойный тон, но Дуаньму Цин уловил в нем тревогу.

Он мягко сказал:

— Я ничего не сделаю. Будь послушным, я обработаю твои раны.

С этими словами он начал снимать халат с Девятнадцатого.

Тот, никогда не сталкивавшийся с таким обращением, почувствовал себя крайне неловко. Он быстро соскочил с кровати, опустился на колени и, сложив руки, сказал:

— Не смею утруждать господина.

— Никакого утруждения.

Дуаньму Цин хотел сказать «Подойди», но, подумав, сам поднял его.

— Отныне ты не должен никому кланяться, даже мне. Это приказ. Теперь ложись, я осмотрю твои раны.

Боясь, что Девятнадцатый откажется, он снова использовал слово «приказ»:

— Это тоже приказ!

— Слушаюсь.

Скованный Девятнадцатый снова лег на кровать. Дуаньму Цин подтянул его ближе и аккуратно снял одежду, обнажив ужасные раны, некоторые из которых еще кровоточили. Смочив полотенце в горячей воде, он осторожно протер раны.

Девятнадцатый был непривычен к такому обращению. Обычно он сам наносил мазь на раны, а если не мог дотянуться, просил других. Такая забота со стороны господина заставляла его чувствовать себя неловко. Тайный страж, получающий такое внимание, был чем-то из ряда вон выходящим. Но Дуаньму Цин отдал приказ, и он не мог двигаться!

Закончив с задней частью, Дуаньму Цин перешел к передней. Полотенце случайно коснулось чувствительных мест, и тело Девятнадцатого, уже напряженное, чуть не ответило ударом. К счастью, он сдержался.

Очистив тело Девятнадцатого от крови, Дуаньму Цин открыл флакон, и в воздухе разлился тонкий аромат.

Девятнадцатый узнал его — это была Призрачная Роса, редкое и дорогое средство для лечения ран. Использовать его на тайном страже было слишком расточительно.

Хотя тайные стражи не имели права оспаривать решения господина, Девятнадцатый все же возразил:

— Господин, использовать Призрачную Росу на мне — это расточительство.

— Для тебя ничего не жалко.

Ты — самый дорогой для меня человек, как это может быть расточительством?

Дуаньму Цин взял немного мази и, словно она ничего не стоила, обильно нанес ее на спину Девятнадцатого, полностью покрывая раны. Еще не закончив, он опустошил флакон и, бросив его в сторону, достал другой.

Он словно хвастался, показывая его перед глазами Девятнадцатого:

— Смотри, у меня еще много, так что можешь использовать сколько хочешь!

— Слушаюсь.

Не зная, что сказать, Девятнадцатый мог только ответить этим словом.

Когда раны на спине были обработаны, второй флакон также опустел. Дуаньму Цин, как и ожидалось, достал еще один. Девятнадцатый, вспомнив недавний случайный контакт, неловко произнес:

— Господин, я могу сам.

Ему казалось, что сегодня он сказал больше слов, чем за последний месяц.

Дуаньму Цин, конечно, не согласился:

— Ты сделаешь это кое-как, а я сделаю это аккуратно.

— ...Слушаюсь.

Девятнадцатый снова ответил этим словом.

Когда большая часть ран была обработана, Дуаньму Цин предупредил:

— В ближайшие дни не мочи раны, иначе заживут медленно.

Девятнадцатый, опустив голову, подчинился «приказу».

Глядя на его покорный вид, Дуаньму Цин тихо сказал:

— Надеюсь, тебе больше никогда не понадобится это лекарство, потому что я не хочу, чтобы ты снова ранился.

Я буду защищать тебя, чтобы ты оставался в безопасности рядом со мной.

— Слушаюсь.

Девятнадцатый чувствовал, что сегодня Дуаньму Цин был действительно странным. Почему он говорил вещи, не соответствующие статусу тайного стража? Например, только что он приказал не раниться. Но он — тайный страж, выполняющий задания, защищающий господина, и раны неизбежны. Почему же господин приказал не раниться?

Эх, видимо, в будущем придется быть осторожнее. Чтобы меньше ранился, нужно улучшать мастерство. Похоже, тренировки придется усилить!

Так думал Девятнадцатый.

Дуаньму Цин: У меня полно денег, так что, Девятнадцатый, покупай сколько хочешь!

Девятнадцатый: Даже с деньгами нельзя расточать!

Дуаньму Цин: Супруга права!

<http://bllate.org/book/16706/1534973>